

ПАРУЙР СЕВАК И МАРИНА ЦВЕТАЕВА

СЕЙРАН ГРИГОРЯН

Один из крупнейших представителей армянской поэзии XX века Паруйр Севак (1924–1971) на протяжении всего творческого пути был теснейше связан с русской поэзией – от классиков до современников, от Пушкина и Лермонтова до Роберта Рождественского и Андрея Вознесенского. Русская поэзия с ее многоголосием, с ее богатым опытом была для Севака родным миром, питала его эстетические воззрения, его переводческий репертуар и искусство, поэтические его замыслы и претворения. Среди русских ориентаций Севака особенно и многозначительно выступает его плененность голосом, искусством Марины Цветаевой. И как обычно бывает в подобных случаях, так и здесь мы имеем ряд более чем красноречивых авторских признаний.

В одном из писем 1964 года, адресованных Ваге Овакимяну, Севак высказывает свои суждения о поэзии и поэтах с точки зрения человека, читавшего Пастернака и Цветаеву. И характерно, что два эти имени у него предшествуют другим, приводимым как критерии, именам – они названы до Элюара, Хименеса, Рильке, Перса. Еще более примечательно, что их приоритетность подчеркнута нераздельностью, соединенностью именно двух этих поэтов. Спустя три года в письме к тому же адресату Севак вновь ставит рядом имена Пастернака и Цветаевой¹. Такая сообщность, соединенность имен имела под собой общность очень значительную, а именно – соединенность, скрещенность судеб Пастернака и Цветаевой, их взаимную увлеченность (о чем свидетельствует переписка) и, что самое главное, их поэзию. Но если с творчеством совсем еще недавно трагически ушедшего из жизни Пастернака Паруйр Севак, несомненно, был прекрасно знаком, то утверждать этого же с уверенностью относительно Цветаевой мы не можем. Медленное, трудное, не без помех возвращение творчества Цветаевой началось с 60-х годов, прежде всего благодаря посвященности, усилиям дочери поэта – Ариадны Эфрон. Первое посмертное издание «Избранного» Цветаевой появилось в свет в Москве в 1961 году. Исследователю, выявляющему круг чтения Севака без знакомства с его библиотекой, может показаться, что именно с этого сборника и началось знакомство Севака с поэзией Цветаевой. Такое впечатление, однако, обманчиво, поскольку сближения с цветаевскими текстами проявляются в стихах Севака уже в сложившейся преимущественно во второй половине 50-х годов книге «Человек на ладони»². В какой-то степени с поэтическим языком Цве-

¹ См. Севак П. Собрание сочинений в шести томах. Т. 6. Ер., 1976 (на арм. яз).

² Следует иметь в виду, что в 50-е годы П.Севак жил в Москве, в 1951-56 гг. учился в

таевой соотносится само название книги, которое, при всей емкости его смысла, не нашло еще адекватного к себе литературоведческого внимания. Образ «ладони» один из любимых у Цветаевой, используется он и в статьях, и в стихах. «Ибо ладонь – жизнь», – пишет она в стихотворении «Неподражаемо лжет жизнь», а в «Поэме горы» сравнение – «Как на ладони поданный / Рай...». Не множа примеров, развернем здесь лишь самый из них выразительный – стихотворение «Раковина» с его образуемым «ладонями» «колыбельным домом» для зарождения и вызревания «жемчуга» (человека, человеческой жизни):

Из лепрозория лжи и зла
Я тебя вызвала и взяла

В зори! Из мертвого сна надгробий –
В руки, вот в эти ладони обе,

Раковинные – расти, будь тих:
Жемчугом станешь в ладонях сих!

.....
Спи! Застилая моря и земли,
Раковиною тебя объемлю:

Справа и слева и лбом и дном –
Раковинный колыбельный дом.

Дням не уступит тебя душа!
Каждую муку туша, глуша,

Сглаживая... Как ладонью свежей,
Скрытые громы студя и нежа,

Нежа и множа... О, чай! О, зрей!
Жемчугом выйдешь из бездны сей³.

Отметим – как в порядке дополнительного аргумента, так и факта, который сам по себе заслуживает внимания, – что у Севака, большое значение придававшего поэтике заглавий, есть целый ряд стихотворений, озаглавленных в точности, как ряд стихотворений Цветаевой. «Бессонница», «Разлука», «Письмо», «Шут» и др. При заметной общности в заголовках стихотворений дает себя знать и общность в мотивах, образности, словесных формулировках,

Литературном институте им. Горького, с 1957 года работал в том же институте старшим преподавателем кафедры художественного перевода (преподавал армянский язык). Это обстоятельство во многом определяло и круг литературных интересов, общения, и круг чтения Севака.

³ Цитаты приводятся по изданиям: **Цветаева М.** Сочинения в двух томах. М., 1980; Сочинения в двух томах. М., 1988.

вплоть до прямых совпадений. Тревоги, вызываемые в ней жизнью, Цветаева выражает в стихах, обращенных к дочери – Але, Севак – в раздумьях, обращенных к сыну. В момент отчаяния Цветаева выносит на продажу ценности души, выкрикивая: «Продаю! продаю! продаю!», Севак – наивысшую ценность: «Правду продаю – деланную!». Цветаева говорит об Анне Ахматовой как о «Златоустой Анне – всяя Руси», Севак о Комитасе – «Святейший Песни Всеармянской». Оба поэта вступают в какую-то инстинктивную, глубоко внутреннюю связь с лесом, вообще с растительным миром, шагающими деревьями, одиноким могучим дубом, текучими водами, пробивающимися из земных недр травами.

Севака вообще притягивает в поэзии Цветаевой тот трансцендентальный, метафизический слой, который составлял, по ее мнению, и ядро космической поэзии Пастернака, что она сама и сформулировала в посвящении в черновой рукописи стихотворного цикла «Двое»: «Моему брату в пятом времени года, шестом чувстве и четвертом измерении – Борису Пастернаку». Из этих начал в особенности первые два суть основа поэтического второго зрения Севака: пятое время года получило определение в стихотворении «Письмо», шестое чувство – в откровениях поэмы-цикла «Наклонись, скажу на ухо» (1959) и к их комментариям в письмах поэта, по которым это произведение – для всех тех, у кого, кроме пяти, есть еще и шестое чувство (об этом Севак пишет в письме, адресованном поэту В. Овакимяну).

В другом к Пастернаку обращенном стихотворении («Провода», 2) есть у Цветаевой такие строки:

Чтоб высказать тебе... Да нет, в ряды
И в рифмы сдавленные... Сердце – шире!
Боюсь, что мало для такой беды
Всего Расина и всего Шекспира!

И не реминисценцией ли откликается ей Севак в стихотворении «Искусство»:

Над Шекспиром подшучивает жизнь
Своими трагическими драмами...

Этот принцип верховенства жизни над искусством, даже над самим Шекспиром побуждает Цветаеву обращаться к образам, лишь шестым чувством воспринимаемым, они же привлекают и *ее ученика – поэта армянского*. Необычное, сверхъестественное восприятие дано, к примеру, в такой цветаевской строке: «Все вижу – ибо я слепа», которой Севак, увлеченный различными поэтическими решениями «слепоты», отвечает стихотворением 1963 года «Одноглазый»:

Одним лишь глазом я смотрю на жизнь.
(Другой мой глаз – стеклянный.)
И одиноким этим глазом

Я вижу много... Но другим, незрячим,
Я еще больше вижу,
Потому что
Мой зрячий глаз – он смотрит, а слепой...
Всегда мечтает.

(Перевод В. Баласана)⁴

Поэтов путь, говорит Цветаева, «путь комет», «Поэтовы затмения / Не предугаданы календарем», его стезя – «гривастая кривая / Не предугадана календарем» («Поэт», 1). Севак мечтает жить по звездному календарю, взглядом обращается к звездам, говорит, что покровительствует ему Сириус, по ломаной кривой движущийся во вселенной. Цветаева воспеваает «Август! – Месяц ливней звездных!», а Севак свое стихотворение «Костер на льду» (1965) завершает таким славословием:

И еще слава богу,
Что в нашей душе,
Если месяцы есть листопада,
То ведь есть и дни звездопада.
Звездопада!

(Перевод С. Ботвинника)

Психологическое и словесно-образное сближение заметно и в том, как приподнято выделен у обоих поэтов седьмой день недели – воскресенье. У Цветаевой:

Я – страсть твоя, воскресный отдых твой.
Твой день седьмой. Твое седьмое небо.

(«Психея», 1)

И в другом стихотворении метафора:

Серебро моё — суббота!
Воскресенье — золото!

С днями недели сопряжены и чувства Севака. Мечта поэта, выраженная в одном из программных стихотворений: «К жиле будничного дня привить воскресенье», о том же в стихотворении «Привет»: «Да будет в одной неделе два воскресенья».

Думается, что к цветаевской метафоре:

Кусай себе, дружок родный,
Как яблоко – весь шар земной! –

восходит у Севака такое чувство, будто, надкусывая яблоко, ты надкусываешь земной шар или солнце (стихотворения «Удивляю», «Иллюзия»).

Пусть, однако, не складывается впечатление, что Севак влечется лишь к словам, к образным выражениям любимого поэта. Приведенные примеры лишь в какой-то мере свидетельствуют о более глубокой связи, ведущей в

⁴ Стихи П. Севака в русских переводах приводятся по изданию: **Севак П.** Путник. Ер., 1981.

высшие духовные и интеллектуальные сферы поэзии. В этом отношении невольно приобретает смысл автохарактеристики совет, который дает Севак Ваге Овакимяну уже в письме от 1967 года: «Будь осторожен с искусством Пастернака и Цветаевой, следуя только этому (манере письма – искусству), ты (да и любой) окажешься очень жалким, уж не говорю – устарелым»⁵. Прежде чем давать другому такой совет, Севак наверняка думал сам о пагубных последствиях внешне-формального следования притягательным образцам. На деле его связи с поэзией Цветаевой куда более глубокие, сущностные, а сходства в строках, словах всего только следствие глубинной связи.

При всех отличиях, обусловленных национальностью, языком, временем, полом, поразительное родство проступает в душевном складе и в судьбе Марины Цветаевой и Паруйра Севака. Безмерные, беззаконные, стихийные по сущности, они претерпевали страшные столкновения с действительностью и временем, оказывались как бы обреченными на трагедию. Цветаева воистину вправе была сказать о себе:

Что же мне делать, певцу и первенцу,
В мире, где наичернейший – сер!
Где вдохновенье хранят, как в термосе!
С этой безмерностью
В мире мер?!

«И себя самого угощаю я тем же – чувством меры...», – спустя годы будет писать Севак. Цветаева с ее «безмерной» (для обыденного сознания – неуравновешенной) сущностью в 49 лет самовольно простится с земной жизнью. Спустя ровно тридцать лет, в том же примерно возрасте по трагической случайности уйдет из жизни Севак.

Стихийность природы и нерасчисленность поведения сообщили созданиям Цветаевой и Севака явную раскрепощенность, свободу форм – бурные вспышки, напряженно-патетические тона, трагические срывы, обвалы, прозаизация.

Проистекающее из сущности родство форм особенно выступает в любовной лирике. Вообще любовная лирика – та область, в которой наиболее проявляется литературная связь: Марина Цветаева – Паруйр Севак. Драматические, часто трагические переживания, которые испытывал Паруйр Севак в сложной череде любовных историй очень близки по сути к цветаевским трагическим переживаниям любви. Отсюда и те пересечения и настроений, и форм выражения их, которые наблюдаются в любовной лирике двух поэтов.

«Я любовь узнаю по боли / Всего тела вдоль», – говорит Цветаева в одном из стихотворений. Боль с ее синонимами – характерный признак любовной лирики Севака. Доминанта боли обусловлена выбором рода любви, фатальным и добровольным одновременно. В автобиографической прозе «Мой Пушкин» Цветаева рассказывает, как знакомство, еще в детские годы, с историей любви Онегина и Татьяны предопределило все ее будущие любви: «Эта

⁵ Севак П. Указ. соч. Т. 6., с. 435-436 (на арм. яз).

первая моя любовная сцена предопределила все мои последующие, всю страсть во мне несчастной, невзаимной, невозможной любви. Я с той самой минуты не захотела быть счастливой и этим себя на нелюбовь — обрекла».

Философию невозможной, обреченной любви Цветаева чаще всего передает концептом, образом разлуки, ей посвящая и отдельные стихотворения, и цикл. Образ этот отождествляется и с самим поэтом: «Ты нынче зовешься Мариной, — разлука...»

Это мотив, отраженный в одноименном сборнике, по прочтении которого один из метров русской поэзии — Андрей Белый — создал книгу стихов «После разлуки» и вот что писал Цветаевой в 1922 году: «Ведь я после Вашей «Разлуки» опять стихи пишу /.../ после Вашей «Разлуки» — хлынуло. Остановить не могу. Я пишу вас — дальше. Это будет целая книга /.../ Я мысленно посвящаю ее вам и если не проставляю посвящения, то только потому, что она ваша, из вас, я не могу дарить вам вашего, это было бы нескромно»⁶.

На фоне такого уровня признания смело можно признать и то, что воздействие сквозного и многообъемлющего цветаевского концепта (образа) сказалось в стихотворении Севака «Разлука» (1961), построфно, построчно развернутом при подавляющем господстве и состоянии, переживания разлуки, и самого этого слова, вплоть до финала:

Сейчас титанический четырехтомный словарь
Набухает единственным словом — «Разлука».

И единственной мысли во мне поднимается крик:
Есть ли хотя бы один язык,
Где нету этого слова «Разлука»?
Если есть — я меняю национальность!

(Перевод Ю. Морщи)

Концепт разлуки предстает в любовной лирике Цветаевой в больших пространственных и временных измерениях. Разлученность в пространстве привносит в стихи приемы так называемого «почтового языка». В стихах любовной лирики часто встречаются «письмо», «телеграф», «шлагбаум» и их аналоги, очень заметные и в любовной лирике Севака. Нельзя не заметить и того, что параллельность переписки Цветаева—Пастернак и с нею связанных произведений спустя десятилетия повторится в тоже параллельном — реальном (жизненном) и художественном (стихи, поэма «Песнь песней») — «эпистолярном романе» Паруйр Севак — Суламита⁷. Следует сказать в этой связи и то, что для истории любви Севака Пастернак и Цветаева с их историей были наиболее близкой, родственной стихией — и психологической, и художественной.

Из сближений, замечаемых в любовной лирике, обратим внимание и на

⁶ Белый А. Стихотворения и поэмы. М.—Л., 1966, с. 625.

⁷ Суламита Рудник (в замужестве Шалит), в годы пребывания поэта в Москве студентка Литературного института им. Горького, где и произошло их знакомство.

такое: головоломный севаковский афоризм «Снова не любят, любят опять»⁸ (явившийся и заглавием, и лейтмотивом одного из стихотворений 1964 г.) как-то сообщается со строками стихотворения Цветаевой «Земное имя»:

...Все повторяю я – и все жесточе
Снова – опять...

Вполне возможно, что на уровне чисто словесной формулы эта пара – «снова-опять» – имела источником, наряду с другими, и словарь Цветаевой.

Форма лирического монолога, применяемая Севаком в его любовных поэмах, особенно в поэме «Отступление с песней», в структурном плане явно напоминает жанровую форму посвященных, в частности, К. Родзевичу поэм Цветаевой.

Как на одно из самых ярких сближений в любовной лирике Цветаевой и Севака обратим внимание на мотив лунатика, лунной болезни.

В марте 1959 года в Москве Паруйр Севак пишет одно из лучших своих любовных стихотворений «Тоска лунатика», где переживание трагически-невозможной любви рождает образ лунатика, идущего к любимой по скользким косым крышам большого города, не боясь ни зубчатых карнизов, ни преград-громоотводов. Развернутый в стихотворении образ пораженного лунной болезнью воплощает драму невозможной, несчастливой любви.

Если бы ты вдруг из своей дали заметила
И подала бы голос
На вскрик похожим «ах!»,
Испугавшись, что в опасности моя жизнь,
Знаешь, чем бы кончилось,
Желанная моя?

Знаешь,
Смертью кончается,
Если лунатика окликают.

Но нет во мне вовсе страха,
Что упаду вниз
И, растопив своей кровью снег на тротуаре,
Дворника хоть освобожу от соскребания снега.
Этому не бывать,
Потому что ты не окликнешь,
И не по доброте,
А... просто по нелюбви...

(Перевод подстрочный)

⁸ В русском переводе (В. Куприянова) стихотворение озаглавлено «Любят не снова, а вновь», в лейтмотивных же строках: «Любят (любит) не снова, а сызнава, вновь». Однако, если придерживаться смысловой и стилистической точности, у Севака сказано не «вновь» (и тем более «сызнава»), а «опять», которое, отметим, и занимает первую позицию в соответствующей словарной статье большого армяно-русского словаря.

Не вдаваясь в психиатрические, психоаналитические тонкости лунатизма, или сомнанбулизма, можно предположить, что проникновение этого мотива в поэзию, особенно в произведение любовной лирики едва ли носит, так сказать, самородный характер; он, скорее всего, хотя бы в общих чертах литературного происхождения.

Интересно, что образ лунатика, причем с употреблением той же, что у Севака, словоформой, неоднократно можно встретить в поэзии великого учителя Севака – Егише Чаренца: не раз в его поэме «Дантова легенда», в стихотворении «Видение смерти», а годы спустя в открывающем сборник «Эпический рассвет» стихотворении «Моей музе». В последнем совпадающая у обоих поэтов лексема дана как определение к любви, чем повышается вероятность чаренцевского следа в замысле Севака. Не исключая этого, мы склонны полагать, однако, что образ лунатика в стихотворении Севака и семантически, и словесно в более тесную связь вступает опять же с Мариной Цветаевой.

Мотив лунатизма, можно сказать, сквозной в лирике Цветаевой. Еще в 1914 году в одном из стихотворений она говорит: «Я – лунатик двух темных лун». Заметим, что поэт здесь себя же представляет лунатиком, в примерах же, которые можно найти у Чаренца, слово это отнесено к другим. В написанной в 1924 году и восхитившей Пастернака «Поэме конца» говорится: «Держусь, как края крыши / Лунатик...». Но интереснее всего, что годом раньше Цветаева пишет стихотворение «Луна – лунатику»:

Оплетавшие – останутся.
Дальше – высь.
В час последнего беспамьяства
Не' очнись.

У лунатика и гения
Нет друзей.
В час последнего прозрения
Не' прозрей.

Я – глаза твои. Совиное
Око крыш.
Будут звать тебя по имени –
Не' расслышь.

Я – душа твоя: Урания –
В боги – дверь.
В час последнего слияния
Не' проверь.

Положение здесь очень схожее с описанным у Севака. Уместно вспомнить и то, что в поэзии Цветаевой немало места занимают образы падения/броска вниз вообще, среди них и падения с крыши (к примеру, в «Стихах

Блоку» – «Как кровельщик падает с крыш...»). Как и в ряде других случаев, и здесь связь Севак–Цветаева включает и Бориса Пастернака. В своей статье «Эпос и лирика современной России» Цветаева характеризует Пастернака как своеобразного лунатика: «Природа явила себя через самое беззащитное, лунатическое, медиумическое существо – Пастернака».

Мы коснулись лишь нескольких проявлений литературной связи Паруйр Севак – Марина Цветаева. В дальнейшем, при внимательном сопоставительно-сравнительном рассмотрении произведений обоих поэтов могут обнаружиться и другие факты. Здесь важно и источниковедческое изучение вопроса. Тонкости творческой лаборатории Севака возможно проанализировать и прояснить, лишь тщательно изучив его библиотеку. Не располагая картиной прочтения Севаком цветаевских текстов с пометами и подчеркиваниями, мы, однако, можем говорить об этой связи как несомненной, основываясь не только на вышеизложенных наблюдениях, но и на более чем красноречивых мемуарных свидетельствах современников поэта.

Писатель Степан Аладжаджян, в 1955-57 гг. учившийся в Москве и часто общавшийся там с Паруйром Севаком, свидетельствует, что на столе у Севака «видел однажды книгу Марины Цветаевой»⁹. Книга эта, надо полагать, была из прижизненных изданий.

Другой мемуарист, литературовед Т. Макучян, вспоминает, как он познакомился с Севаком в 1959 году, уже в Ереване, и побывал у него дома: « – Товарищ Севак, кто ваш самый любимый поэт? – Встав с места, сказал “Светаев” и удалился. Я на коробке своих сигарет “Шипка” записал это незнакомое имя. Он вернулся с пепельницей и водой. Хочу выйти, уйти, убежать... Это “Светаев” тяжело на мне отразилось. Хотя Севак, провожая меня, несколько раз повторил, что его дверь для меня открыта, могу часто к нему заходить, но... Из-за этого “Светаев” моя встреча с Севаком задержалась на месяцы. Дело в том, что я перерыл картотеку Национальной библиотеки и не нашел поэта Светаева, обращался к знакомым молодым поэтам, к именитым, к преподавателям, ничего, кроме Михаила Светлова, ни от кого не добился. Снова обратился к редактору “Будущего врача”. Он выяснил через Паруйра: Марина Цветаева»¹⁰.

Не будем забывать, что возвращение Цветаевой еще не состоялось и многие еще не были знакомы с ее поэзией. А Паруйр Севак продолжал пленяться стихами «самого любимого поэта» и искал новых и новых возможностей общения с ним. В 1960 году в письме к Суламите Севак благодрит ее за присланные стихи, добавляя коротко: «Цветаева, как всегда»¹¹.

Воистину – Цветаева, как всегда...

Ключевые слова: *литературная связь, поэтический язык, мотивы, образы*

⁹ Аладжаджян Ст. Просвещенные алтари. Лос-Анжелес, 1993, с. 21 (на арм. яз.).

¹⁰ «Армянский писатель», 1992, № 1, 28 января (на арм. яз.).

¹¹ Цит. по: Чархчян О. Суламита. Т. 1. Ер., 2004, с. 263 (на арм. яз.).

ՄԵՅՐԱՆ ԳՐԻԳՈՐՅԱՆ – Պարույր Սևակը և Մարինա Յվետանան – Հոդվածում քննվում են Պարույր Սևակի պոեզիայի առնչությունները ուսումնաստեղծուհի Մարինա Յվետանայի ստեղծագործության հետ: Ցույց է տրվում, որ Սևակը հրաշալի գիտեր Յվետանայի պոեզիան, բարձր էր գնահատում այն և նկատելիորեն կրել էր բանաստեղծուհու պատկերամտածողության և բանաստեղծական խոսքի կառուցման ազդեցությունը: Հասկապես զգալի է հայ և ուսումնաստեղծների սիրերգության հարազատությունը: Հոդվածում հետևություն է արվում, որ Յվետանայի խորը և ինքնատիպ արվեստը զգալիորեն ազդել է Սևակի ստեղծագործության թեմատիկայի, փիլիսոփայության և պոետիկայի վրա:

Բանալի բառեր – *գրական կապ, բանաստեղծական լեզու, մոտիվներ, պատկերներ*

SEYRAN GRIGORYAN – Paruyr Sevak and Marina Tsvetaeva. – The article examines the literary connections between Paruyr Sevak’s poetry and Marina Tsvetaeva’s works. It is shown that Sevak knew Tsvetaeva’s poetry perfectly, highly appreciated it and had been influenced by poetess’s figurative thinking and way of constructing poetic language. The propinquity of Armenian and Russian poet’s love lyrics is a matter of special attention. The author concludes that Tsvetaeva’s deep and original art had a indubitable impact on the motifs, philosophy and poetics of Sevak’s works.

Key words: *literary connection, poetic language, motifs, images*